

Вырезка из газеты
ИЗВЕСТИЯ

от Газета 6 МАЯ 405
Москва

Накануне показа искусства города Ленина в Москве

Галина Уланова

Пушкин писал о Ленском: «Он пел любовь, любви послушный». Уланова танцует любовь. Любовь рождает музыку. Уланова танцует музыку любви — то, что звучит в «волшебных смычках» скрипок и виолончелей, в тревоге литавр, в серебре арф. Высокий симфонизм — дух танцев Улановой. В нем она обретает строгость и чистоту, трепет и покой, радость и страдание.

Уланова — балерина Чайковского. Своим танцем она слышит сокровенный смысл партитур великого музыканта. В вальсовых ритмах «Лебединого озера» и «Спящей красавицы» она угадывает, как томится мечтой о счастье душа композитора. В этом строе то мрачных, то ликующих созвучий Уланова встает, как воплощение музыки, как вечная тема любви и смерти, нашедшая свое безупречное телесное выражение.

Еще оставаясь в поэтике романтических традиций, Уланова наполняет скорбным волнением наивную «Жизель». Старинная повесть о любви, переходящей в безумие, таинственная баллада о полночных вилисах перестают быть «цветком засохшим, безуханным», когда танцует Уланова. «Барышня — крестьянка», она приносит на сцену благовонный воздух цветущих лугов Франции. Девушка — призрак, она и в час проснувшихся могил страстно оберегает от опасности любимого человека. «Жизель» Улановой — это «явь», возлюбленная тень» пушкинского заклинания, «дальняя звезда» и «дуновение».

Страницы прошлого искусства не утешают Уланову. Она ищет еще не станцованных партий, никем не сыгранных ролей. Ее созидательная сила получает развитие в новых или заново переработанных балетах. Мария «Бахчисарайского фонтана», парижская танцовщица «Тальони» — Корали «Утраченных иллюзий», Раймонда в новом вальтер-скоттовском варианте Глазуновского балета, Джульетта в хореографической транскрипции трагического слова становятся героинями Улановой. Поэма Пушкина, романы Балзака и Вальтер-Скотта, трагедия Шекспира становятся источниками танца Улановой. Воображение переносит ее в отдаленные века и чуждые страны. Она взбирается на стены неприступных замков знойной Сирии, из поместья польского магната переходит в крымский гарем грозного Гирея, дышит пылью кулис «Гранд-опера» и живительной прохладой ночных садов Вероны. Но все эти повести с печальными и — редко! — счастливыми концами для Улановой только повод для проникновенного воспроизведения самого чувства — любви во всем богатстве тонких и тончайших оттенков. В историческом «маскараде» ба-

летных ролей Уланова остается верна себе самой. Всюду и всегда она танцует любовь, «весенние голоса» женского сердца.

От балета к балету, от премьеры к премьере все ярче, интенсивнее и сложнее делается мастерство Улановой. Каждая новая роль для нее одновременно и приглашение к пересмотру старых. Уланова, как художница, никогда не прощается со своими образами. Она не умеет повторять и предпочитает обновлять. Совершенство Улановой — всегда совершенствование.

Тема сломанной лилии, которой отмечена Одетта «Лебединого озера», по-новому звучит в «Бахчисарайском фонтане» и «Утраченных иллюзиях». Для Пушкина и Балзака Уланова находит новые интонации движений. На про-

ной страстью. Это — голос крови, Блок сказал бы: черной крови, — «в крови горит огонь желанья» Пушкина. И здесь вдруг открывается новая грань Улановой, новая ступень крутой лестницы «странных любви».

Синтезом всех этих и светлых, и темных, и нежных, и томных переживаний любовного тока является пока Джульетта, датированная 1940 годом. Дочь Капулетти, Уланова кажется сошедшей с полотен Боттичелли. Она действительно «prima vera», ранняя весна. Но это — девушка Боттичелли и девушка Шекспира. Шекспир подсказал Улановой беспечную грацию первых домашних сцен, удивление и смещение бала, восторг южных ночей, целомудренную чистоту свадебного обряда, мужественное преодоление страха смертного лоя и погребальных факелов. И все

это выходит у Улановой как бы само собой. Одно неизменно переходит в другое. Это — капиллярность чувств, песнь жаворонка и трели соловья.

Становясь внешне то итальянкой, то француженкой, то девушкой Ренессанса, то средневековой графиней, Уланова по духу, по чувству остается русской танцовщицей. Она воистину служит русской Терпсихоре, пушкинской мечте о «полете, исполненном души». Пейзаж улановского танца — это среднерусский, неторопливый пейзаж. Ровные гряды холмов, задумчивые облака на недвижной синеве неба, белоствольные просветы березовых рощ, озерная гладь, отразившая безмолвные берега... а дальше — на север белые ночи, бледная зелень летнего сада, «опять весна одела острова» Блока.

Уланова танцует, как дышит. Все гибко и женственно, все просто и легко, бесхитростно и мудро. Земля и воздух классического танца для Улановой лишь средство для выявления глубоких интимных чувств. Это — витраж, сквозь который светится внутренний огонь. Балетный арабеск — этот благородный треугольник устремленного вперед тела и красиво откинутой назад ноги — для Улановой та условность, за которой скрывается подлинная реальность каких-то несказанных «да» и «нет». Безмолвный танец Улановой — красноречие ее души.

Как всякий поэт, Уланова — эхо. И все ее драгоценное искусство советской женщины, советской танцовщицы воспринимается как отзыв на нашу потребность в искреннем и правдивом искусстве, в той великой человечности, какой отмечена культура социалистической земли. К этому новому миру труда и братства имеет счастье и честь принадлежать Галина Уланова.

Н. ВОЛКОВ.

Ленинградский государственный театр оперы и балета имени С. М. Кирова. Сцена из балета С. Прокофьева «Ромео и Джульетта». В роли Джульетты — засл. артистка РСФСР Галина Уланова; в роли Ромео — засл. артист РСФСР К. Сергеев.

зрачность пушкинского стиха Уланова отвечает прозрачностью танца. История распотаных крылышек сильфы приобретает социальную крепость балзаковского реализма. За хрупким обликом Корали вырисовывается страшная правда о гибели таланта среди злобных отблесков груд золота, на рынках тиеславия банковского Парижа, где совершаются купля и продажа гения. В собрание сочинений могучего романиста Уланова Корали входит, как иллюстрация Гаварни к одной из глав «Человеческой комедии».

В обновленной «Раймонде» Раймонда любит не рыцаря, а мавра. Со сцены это воспринимается, как одна из вариаций на тему Отелло и Дездемоны, как этюд о первых счастливых днях венецианского воина и златокудрой патрицианки. Уланова в этом шекспировском фрагменте преобразается. Уже не сломанная лилия, не умирающий лебедь, но женщина, охваченная зем-

любовью, — это — витраж, сквозь который светится внутренний огонь. Балетный арабеск — этот благородный треугольник устремленного вперед тела и красиво откинутой назад ноги — для Улановой та условность, за которой скрывается подлинная реальность каких-то несказанных «да» и «нет». Безмолвный танец Улановой — красноречие ее души.

Как всякий поэт, Уланова — эхо. И все ее драгоценное искусство советской женщины, советской танцовщицы воспринимается как отзыв на нашу потребность в искреннем и правдивом искусстве, в той великой человечности, какой отмечена культура социалистической земли. К этому новому миру труда и братства имеет счастье и честь принадлежать Галина Уланова.

Н. ВОЛКОВ.

Любимое искусство

Из года в год растет театральная сеть города Ленина, растет и количество районных дворцов культуры, ставших подлинными очагами художественного и политического воспитания масс.

В 1937 г. театры Ленинграда показали 5.188 спектаклей, на которых присутствовали 6.240 тысяч зрителей. Это, кроме того, что обслужили дворцы культуры, клубы, сады и парки. В 1939 г. было дано театрами 6.740 спектаклей, которые просмотрели 7.480 тысяч человек.

Ленинградские театры, сыгравшие немалую роль в развитии русского театрального искусства, отмечены высшими наградами Союза.

Трудящиеся Ленинграда оказали высокое доверие народной артистке СССР Корчагиной-Александровской избранием ее депутатом Верховного Совета СССР. Народный артист республики Н. К. Черкасов — депутат Верховного Совета РСФСР, заслуженная артистка республики В. А. Овчаренко — депутат Ленинградского областного Совета.

Среди депутатов Ленинградского городского Совета — заслуженный артист республики Г. М. Нелепп, народный артист УССР А. М. Пазковский, заслуженная артистка республики Г. С. Уланова, композитор Д. Д. Шостакович и другие работники искусств.

Наши встречи с ленинградцами

Показ в Москве театрального и музыкального искусства Ленинграда привлекает внимание театральной общественности всего Советского Союза. Безусловно он явится выдающимся событием.

Два раза гастролеровал в Ленинграде наш Киевский орден Ленина театр оперы и балета имени Т. Г. Шевченко. Ленинградские мастера посещали наши спектакли, а украинские артисты смотрели постановки ленинградцев. И каждый раз мы, киевляне, с удовлетворением отмечали высокую культуру театров Ленинграда и культуру зрителя этого прекрасного города.

Мне запомнился такой интересный факт, характерный для старейших театров Ленинграда. Я слушал в театре имени Кирова оперу «Князь Игорь». По ходу оперы я обратил внимание своего собеседника — ленинградца — на выдающиеся костюмы и декорации. Тот ответил:

— Это неудивительно. Они сделаны по эскизам Коровина! Здесь бережно сохраняют работу старых мастеров.

Малый Оперный театр можно смело назвать лабораторией советской оперы. В первый наш приезд в Ленинград мы привезли оперу Сметаны «Проданная невеста». Эта опера шла в те дни в Ленинградском Малом Оперном театре. Узнав, что наши премьеры совпадают, киевский коллектив почувствовал возросшую ответственность в этом неожиданном для нас соревновании с ленинградским театром. Из этого соревнования оба театра вышли с честью.

Ленинград был и остается колыбелью нашего чудесного балета. По технике и мастерству исполнения его артисты считаются непревзойденными.

Крупнейший индустриальный центр нашей страны — Ленинград — богат театрами, дворцами культуры, где издавна воспитывается культура зрителя. И как любят ленинградцы свои театры! Мне рассказывали, что во время недавних событий — боев с белофиннами и борьбы за обеспечение безопасности города Ленина — театральная жизнь Ленинграда шла, как всегда, и театры, как всегда, посещались. Культуру ленинградского зрителя мы чувствовали и на наших спектаклях, на чутком отношении к украинской опере к украинской музыке.

Пушкин писал о Ленском: «Он пел любовь, любви послушный». Уланова танцует любовь. Любовь рождает музыку. Уланова танцует музыку любви — то, что звучит в «волшебных смычках» скрипок и виолончелей, в тревоге литавр, в серебре арф. Высокий симфонизм — дух танцев Улановой. В нем она обретает строгость и чистоту, трепет и покой, радость и страдание.

Уланова — балерина Чайковского. Своим танцем она слышит сокровенный смысл партитур великого музыканта. В вальсовых ритмах «Лебединого озера» и «Спящей красавицы» она угадывает, как томится мечтой о счастье душа композитора. В этом строе то мрачных, то ликующих созвучий Уланова встает, как воплощение музыки, как вечная тема любви и смерти, нашедшая свое безупречное телесное выражение.

Еще оставаясь в поэтике романтических традиций, Уланова наполняет скорбным волнением наивную «Жизель». Старинная повесть о любви, переходящей в безумие, таинственная баллада о полночных виллах перестают быть «цветком засохшим, безуханным», когда танцует Уланова. «Барышня-крестьянка», она приносит на сцену благоуханный воздух цветущих лугов Франции. Девушка-призрак, она и в час проснувшихся могил страстно оберегает от опасности любимого человека. «Жизель» Улановой — это «явь», возлюбленная тень» пушкинского заклания, «дальняя звезда» и «дуновение».

Страницы прошлого искусства не утешают Уланову. Она ищет еще не станцованных партий, ниже не сыгранных ролей. Ее созидательная сила получает развитие в новых или переработанных балетах. Мария «Бахчисарайского фонтана», парижская танцовщица «Тальони» — Корали «Утраченных иллюзий», Раймонда в новом вальтер-скоттовском варианте глазуньского балета, Джульетта в хореографической транскрипции трагического слова становятся героинями Улановой.

Поэма Пушкина, романы Бальзака и Вальтер-Скотта, трагедия Шекспира становятся источниками танца Улановой. Воображение переносит ее в отдаленные века и чуждые страны. Она взбирается на стены неприступных замков знойной Сирии, из поместья польского магната переходит в крымский гарем грозного Гирея, дышит пылью кулис «Гранд-опера» и живительной прохладой ночных садов Вероны. Но все эти повести с печальными и — редко! — счастливыми концами для Улановой только повод для проникновенного воспроизведения самого чувства любви во всем богатстве тонких и тончайших оттенков. В историческом «маскараде» ба-

летних ролей Уланова остается верна себе самой. Всюду и всегда она танцует любовь, «весеннего голоса» женского сердца.

От балета к балету, от премьеры к премьере все ярче, интенсивнее и сложнее делается мастерство Улановой. Каждая новая роль для нее одновременно и приглашение к пересмотру старых. Уланова, как художница, никогда не прощается со своими образами. Она не умеет повторять и предпочитает обновлять. Совершенство Улановой — всегда совершенствование.

Тема сломанной лилии, которой отмечена Одетта «Лебединого озера», по-новому звучит в «Бахчисарайском фонтане» и «Утраченных иллюзиях». Для Пушкина и Бальзака Уланова находит новые интонации движений. На про-

ной страстью. Это — голос крови. Блок сказал бы: черной крови, — «в крови горит огонь желанья» Пушкина. И здесь вдруг открывается новая грань Улановой, новая ступень крутой лестницы «странных любви».

Синтезом всех этих и светлых, и темных, и нежных, и томных переливов любовного тока является пока Джульетта, датированная 1940 годом. Дочь Капулетти, Уланова кажется сошедшей с полотна Боттичелли. Она действительно «prima uera», ранняя весна. Но это — девушка Боттичелли и девушка Шекспира. Шекспир подказал Улановой беспечную грацию первых домашних сцен, удивление и смятение бала, восторг южных ночей, целомудренную чистоту свадебного обряда, мужественное преодоление страха смертного ложа и погребальных факелов. И все это выходит у Улановой как бы само собой. Одно неизменно переходит в другое. Это — капиллярность чувств, песнь жаворонка и трели соловья.

Становясь внешне то итальянкой, то французенкой, то девушкой Ренессанса, то средневековой графиней, Уланова по духу, по чувству остается русской танцовщицей. Она воистину служит русской Терпсихоре, пушкинской мечте о «полете, исполненном души». Пейзаж улановского танца — это среднерусский, неторопливый пейзаж. Ровные гряды холмов, задумчивые облака на недвижной синеве неба, белоствольные провалы березовых рощ, озерная гладь, отразившая безмолвные берегов... а дальше — на север белые ночи, бледная зелень летнего сада, «опять весна одела острова» Блока.

Уланова танцует, как дышит. Все глубоко и женственно, все просто и легко, бесхитростно и мудро. Земля и воз-

дух классического танца для Улановой лишь средство для выявления глубоких интимных чувств. Это — витраж, сквозь который светится внутренний огонь. Балетный арабеск — этот благородный треугольник устремленного вперед тела и красиво откинутой назад ноги — для Улановой та условность, за которой скрывается подлинная реальность каких-то несказанных «да» и «нет». Безмолвный танец Улановой — красноречие ее души.

Как всякий поэт, Уланова — эхо. И все ее драгоценное искусство советской женщины, советской танцовщицы воспринимается как отзыв на нашу потребность в искреннем и правдивом искусстве, в той великой человечности, какой отмечена культура социалистической земли. К этому новому миру труда и братства имеет счастье и честь принадлежать Галина Уланова.

Н. ВОЛКОВ.

Ленинградский государственный театр оперы и балета имени С. М. Кирова. Сцена из балета С. Прокофьева «Ромео и Джульетта». В роли Джульетты — засл. артистка РСФСР Галина Уланова; в роли Ромео — засл. артист РСФСР К. Сергеев.

Любимое искусство

Из года в год растет театральная сеть города Ленина, растет и количество районных дворцов культуры, ставших подлинными очагами художественного и политического воспитания масс.

В 1937 г. театры Ленинграда показали 5.188 спектаклей, на которых присутствовали 6.240 тысяч зрителей. Это, кроме того, что обслужили дворцы культуры, клубы, сады и парки. В 1939 г. было дано театрами 6.740 спектаклей, которые просмотрели 7.480 тысяч человек.

Ленинградские театры, сыгравшие немалую роль в развитии русского театрального искусства, отмечены высшими наградами Союза.

Трудающиеся Ленинграда оказали высокое доверие народной артистке СССР Корчагиной-Александровской избранием ее депутатом Верховного Совета СССР. Народный артист республики Н. К. Черкасов — депутат Верховного Совета РСФСР, заслуженная артистка республики В. А. Овчаренко — депутат Ленинградского областного Совета.

Среди депутатов Ленинградского городского Совета — заслуженный артист республики Г. М. Нелепп, народный артист УССР А. М. Пазовский, заслуженная артистка республики Г. С. Уланова, композитор Д. Д. Шостакович и другие работники искусств.

Наши встречи с ленинградцами

Показ в Москве театрального и музыкального искусства Ленинграда привлекает внимание театральной общественности всего Советского Союза. Безусловно он явится выдающимся событием.

Два раза гастроллировал в Ленинграде наш Киевский ордена Ленина театр оперы и балета имени Т. Г. Шевченко. Ленинградские мастера посещали наши спектакли, а украинские артисты смотрели постановки ленинградцев. И каждый раз мы, киевляне, с удовлетворением отмечали высокую культуру театров Ленинграда и культуру зрителя этого прекрасного города.

Мне запомнился такой интересный факт, характерный для старейших театров Ленинграда. Я слушал в театре имени Кирова оперу «Князь Игорь». По ходу оперы я обратил внимание своего собеседника — ленинградца — на выдающиеся костюмы и декорации. Тот ответил:

— Это неудивительно. Они сделаны по эскизам Коровина! Здесь бережно сохраняют работу старых мастеров.

Малый Оперный театр можно смело назвать лабораторией советской оперы. В первый наш приезд в Ленинград мы привезли оперу Сметаны «Проданная невеста». Эта опера шла в те дни в Ленинградском Малом Оперном театре. Узнав, что наши премьеры совпадают, киевский коллектив почувствовал возросшую ответственность в этом неожиданном для нас соревновании с ленинградским театром. Из этого соревнования оба театра вышли с честью.

Ленинград был и остается колыбелью нашего чудесного балета. По технике и мастерству исполнения его артисты считаются непревзойденными.

Крупнейший индустриальный центр нашей страны — Ленинград — богат театрами, дворцами культуры, где издавна воспитывается культура зрителя. И как любят ленинградцы свои театры! Мне рассказывали, что во время недавних событий — боев с белофиннами и борьбы за обеспечение безопасности города Ленина — театральная жизнь Ленинграда шла, как всегда, и театры, как всегда, посещались. Культурно ленинградского зрителя мы чувствовали и на наших спектаклях, на чутком отношении к украинской опере, к украинской музыке.

Мы будем с большим интересом следить за выступлениями старых и молодых театров Ленинграда в столице нашей великой родины.

И. ПАТОРЖИНСКИЙ.

КИЕВ, 5 мая. (По телефону).